

Люди нашего города

СМОТРИМ трудовую книжку Ермакова — серого цвета обложка, пожелтевшие листы газетной бумаги и новенький вкладыш. Записей о перемещениях по работе не много. После окончания Пензенского лесотехнического техникума в 1951 году назначен мастером лесозаготовительного цеха завода «Стандартдом». Через четыре года, и 28 лет не исполнилось, назначен директором Котласского лесозавода (бывший 46-й). Еще через пять — директором ДОКа. Все. На этом записи о перемещениях по работе заканчиваются.

Для чего же вкладыш? Да тут одни поощрения! Всего их 44 записано. Длительный перерыв — с 1958 по 1970 г. — они почему-то не велись. Благодарности, грамоты, денежные премии (40, 70, 100, 120 рублей) и ордена — «Знак Почета», Трудового Красного Знамени, Ленина. Есть и медали. Отчего я затеял весь этот сухой пересчет послужных записей? Видите ли, бывает, они достаточно полно, хоть и сжато, раскрывают характерные стороны жизни человека, его дела. Но что за ними, этими записями, кроется?

...Война искалечила не только многих людей, исковеркала их судьбы, но исчезли целые семейства, в руинах лежали деревни и города, и казалось, на земле нашей вот-вот наступит полное опустошение. Но полуголодный (46-й год потряс страну засухой), в ранье, народ жил надеждой и верил — придут лучшие времена, надо только не покладая рук работать. Молодежь этой поры черпала свою силу в среде фронтовиков. Евгению Ермакову даже в этом жизнь отказала. Отец его был репрессирован и от звонка до звонка, до 1947 года, тянул лагерную лямку, куда попал в 1937-м по доносу сослуживца. Вернулся домой, но прожил всего три года и умер. Пока служил в армии, и мать (учительствовала с 1914 года, открывала детям мир произведений русских писателей, красоту, силу и образность родного языка) ушла в мир иной. Но, видать, сильные корни ермаковского рода. Духом не пал. Старший брат Валентин, по окончании войны получивший диплом инженера-железнодорожника, сам еще только-только устраивал свою жизнь, работая на разбитых войной железнодорожных путях на Украине.

Рига, где служил Ермаков, хоть и нравилась, и работа бы нашлась холостому парню, да еще с дипломом техникума, но чувство долга, ответственности уже тогда не позволило ему сойти с выбранного пути, и он вернулся на свой Пекковский завод и стал работать, как и до армии, сменным мастером Настя Тимонина, с которой вместе учились в техникуме (в одной группе), вместе на завод в Пено приехали, дождалась-таки, как и условлено было между ними. Была и свадьба, если можно назвать свадьбой небольшой дружеский ужин, на котором молодых с законным браком поздравляли такие же парни и девчата, недавние выпускники их техникума. В 1955 году родился у Ермаковых сын Юрий, а с ним появились новые семейные заботы. Глава семейства всерьез задумался — как жить дальше? Тогда-то и подвернулось предложение о переводе на работу в Котлас. Евгений Ермаков дал согласие.

КОТЛАС. Тогда Берия только что объявил амнистию, и масса уголовников с севера Коми ринулась на юг. Говорили про наш город только недоброе — тут и раздевают, и убивают, и чего только не вытворяют. А грязь, холод? Словом, дыра, край света.

— Слышал обо всем этом, но знал и то, что здесь строится завод «Стандартдом», — вспоминает Евгений Васильевич. — Он входил в группу 22 предприятий Министерства промышленных стройматериалов, которые выпускали дома и отправляли их в места, разрушенные войной. Но была интересная перспектива в работе, и мы решились — поеем. Приехали да так и осе-

ликов, соратников. С годами это качество, этот дар убеждения, развилось, укрепилось, перешло в один из самых сильных его аргументов, стало отличительной чертой, стилем ермаковского подхода ко всему, за что он брался.

А тогда, как снег на голову, вдруг свалилось на него предложение — поезжай на «хвостик», будь директором лесозавода. Он только начал разворачиваться в своем цехе, ему еще 27 лет только, а его срывают с места и — поезжай! И куда?

— Я знал этот лесозавод, — говорит Ермаков. — Тяжкое, страшное впечатление производил он 30 лет назад. Жилье — бараки, рабочие — почти все переселенцы, до-

Двины в поселке ДОКа? Всем миром его садили. Теперь семьями туда ходят — отдохнуть, полюбоваться, вспомнить...

ДА, есть что вспомнить. У нас ведь как было — началась кампания озеленения, значит, все без исключения этим занимаются. Горисполком, горком партии каждый год требовали отчета по возрастающей — сколько деревьев посадили, клумб разбили? Но дерево же не картошка, его посадишь, так оно и сто, и больше лет растет. Ермаков со своими сподвижниками убеждает — уже озеленились, а с них все равно требуют — давай еще! Даже из-за такого приходилось переживать неприятные минуты. Теперь видать, насколько верно, в интересах человека застраивался поселок ДОКа. Одна баня

Не встал Евгений Васильевич на этот с виду только легкий, на самом деле скользкий и подлый путь. Не только не отдал на «сведение» начальника цеха, но поддержал его, сам же все сделал, чтоб сохранить кадры рабочих и ИТР на комбинате. Более того, он сумел свалившуюся на комбинат беду использовать во благо своего коллектива — предприятие на ходу было перепрофилировано и начат выпуск новой продукции. А отстроенный лесопильный цех через год после пожара снова работал.

Можно бы еще рассказать и о том, как Ермаков ездил в Москву «выбивать» 125-квартирный дом. Тот самый, что стоит на улице Салтыкова-Щедрина, где автобусная остановка. Тогда в самом Минлеспrome не верили, что удастся это сделать. Не хотели деньги давать — и баста! Или о том, как обвинили его городские власти в нежелании облегчить жизнь людей, а он стоял на своем — не введу в штат ЖКО уборщиц подъездов в жилых домах. Считал, что человек в своем доме сам порядок должен наводить. Тогда и дома лучше сохраняются. А что, разве не так! Нужно бы и о том рассказать, как комбинат без государственных капиталовложений (за счет своей прибыли да банковских кредитов) реконструировал производство и в четыре раза увеличил выпуск древесностружечных плит, почти в пять раз повысил производительность труда. Эти и другие факты как нельзя лучше характеризуют Ермакова как руководителя неординарного, талантливого.

Директора — они ведь люди разные. Всегда на виду у всех, и каждый судит о них по-своему. Чтоб не впасть в крайность, говоря о Евгении Васильевиче как человеке, обопрысь на факты и мнение людей, его знающих.

Живет семья Ермаковых в таком доме, которые народ прозвал «хрущевскими» из-за малой жилплощади квартир. Здесь и сыновья — Юрий и Сергей — выросли, сюда и внуки приходят. Предлагали — строй себе коттедж. Не согласился Ермаков, у людей хуже есть жилье, лучше на капремонт какого-либо дома деньги израсходовать. А вот дачу построил. Сам, своими руками, кроме печи, все сделал. Сыновья его помнят, как отец после работы, в 7—8 часов вечера, брался за рубанок, стамеску и допоздна мастерил что-нибудь. Многие и сейчас стоят в квартире. Причем они знают — отец делает так, что не подкопаешься. Буфет, книжный шкаф, письменный стол — все его работа. Но для сыновей он пример не только как классный столяр, а прежде всего как человек, на которого всегда и во всем они могут положиться. Словом — отец, глава семьи.

Шестьдесят лет — много это или мало? Для кого как, все зависит, пожалуй, от того, что и сколько ты смог сделать — не для себя, для людей прежде всего. Евгению Васильевичу Ермакову удалось много. И он остается еще на своем директорском посту.

Р. ВЫДРЯКОВ.

ГЛАВНАЯ МЕРА — ДЕЛО

Имя директора Котласского деревообрабатывающего комбината Евгения Васильевича Ермакова (на снимке) в нашем городе — да и за его пределами тоже — хорошо известно. В другой должности его не знаю, да и не я один. Лишь седовласые пенсионеры помнят конец 50-х годов, когда Ермаков работал начальником лесопильного цеха.

Евгению Васильевичу сегодня исполняется 60 лет, и 32 из них он директор. С 1960 по 1965 год возглавлял Котласский лесозавод (ныне филиал ДОКа), с августа 1965 года и по сей день — бессменный директор Котласского ДОКа. Много это или мало? Не знаю, наверное, целая жизнь. Иной ведь и за 2—3 года, дай ему в руки власть, таких дров наломает, что потом десятилетия надо, чтоб от разрухи к нормальной жизни подойти. И если б это касалось только производства — за каждым же случаем конкретный человек стоит, а то и сотни, тысячи... Вся страна, может,

ли здесь. 36 лет уже прошло.

В те годы до поселка нынешнего ДОКа от Болтинки и до лесозавода из Лименды можно разве на танке только добраться — машины застревали в непролазной грязи. В поселке «Стандартдома» стояли дома барачного типа, щитовые, да несколько двухэтажных восьмиквартирных. Все, конечно, деревянные. Многие и сейчас стоят, но уже капитально отремонтированные. Лесопильный цех — дзе пилорамы, строгальные станки на улице под навесом.

Но ведь, как у нас говорят, глаза боятся, а руки делают. Завод строился и одновременно начинал выпускать свою продукцию. В 1957 году изготовляли уже брус для стен, доски для пола, оконные блоки. Через год занялись реконструкцией лесопильного цеха.

Хватку, умение организовать дело, довести его до конца у молодого специалиста нельзя было не заметить. Ермаков сам горел на работе и людей увлекал, вел за собой, находился среди них единомышлен-

ног нет, каждый год топил — дома до верха окон стояли весной в воде. А магазин? Такое разбитое здание, что стыдно даже вспоминать — не магазин, дырявая лавка с крысами. Не лучше был и клуб — насквозь светился. Лесопильный цех разваливался, после половодья ежегодно нужен был капремонт, чтоб хоть более-менее удержать его в рабочем состоянии. Пришлось делать отсыпку всей территории до незатопляемой отметки, укреплять берег Вычегды. Зато теперь вид иной, и автобусы туда ходят круглый год.

Припоминаю внешний облик обоих поселков — ДОКа и его филиала — и невольно сравниваю с другими микрорайонами города. Если б весь город, территории всех предприятий были так ухожены. Однажды в начале сентября пришлось побывать на лесозаводе. Меня поразили тогда обилие цветов в поселке и на территории завода, разнообразие деревьев — наши северные породы, не одни тополя растут. А парк на берегу

здешняя чего стоит — чистота, а парилка! Лучшей в городе нет.

Но каких трудов все это стоило! Иной раз ловлю себя на мысли — а если б за эти 30 лет здесь сменилось 5—7 директоров? Одно из самых трудных испытаний выпало на Ермакова в 1974 году — 15 марта сгорел лесопильный цех, ведущий на предприятии. Начальником его тогда был молодой инженер Владислав Иванович Лобанов, ныне заместитель директора.

Как-то в момент неожиданного откровения он признался, что если б не Е. В. Ермаков, то сидеть бы ему тогда за решеткой. Ведь через две недели еще ЧП стряслось — несчастный случай на производстве со смертельным исходом. Надо, надо было виновника найти, оправдаться перед верхом — вот он, по его преступной халатности государство убытки несет. Сколько таких случаев в жизни нашей бывало и еще будет, когда руководящий чиновник, спасая себя, подставляет под палку подчиненного?

